

наш
XX
век

A black and white photograph of Oleg Alexandrovich Trojanovskiy, an elderly man with light hair, smiling. He is wearing a dark suit, a white shirt, and a patterned tie. He is seated at a desk with a microphone in front of him. In the background, another man is partially visible, and there is a large mural or painting on the wall.

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ТРОЯНОВСКИЙ

ЧЕРЕЗ ГОДЫ И РАССТОЯНИЯ
ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Наш XX век

Олег Трояновский

**Через годы и расстояния.
История одной семьи**

«Центрполиграф»

УДК 929
ББК 66.4

Трояновский О. А.

Через годы и расстояния. История одной семьи /
О. А. Трояновский — «Центрполиграф», — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-06637-4

Говорят, что дипломат подобен айсбергу, надводная часть которого — то, что он знает. В мемуарах Олега Трояновского «айсберг всплыл на поверхность» полностью. На страницах книги — доселе неизвестные подробности Нюрнбергского процесса и Карибского кризиса, история создания и деятельности Организации Объединенных Наций, тайны кулуаров Кремля и «высотки» на Смоленской площади, причины и следствия побегов на Запад высокопоставленных советских дипломатов. А среди ее персонажей — Сталин и Гитлер, Хрущев и Молотов, Рузвельт и Кеннеди, Мао Цзэдун и Дэн Сяопин...

УДК 929

ББК 66.4

ISBN 978-5-227-06637-4

© Трояновский О. А.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	6
Поручик – революционер	7
Отец – дипломат	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Трояновский

Через годы и расстояния.

История одной семьи

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.*

Ф. И. Тютчев

© О. А. Трояновский, наследники, 2017

© «Центрполиграф», 2017

Введение

«Это было самое прекрасное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежды, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в облаках, то вдруг обрушивались в преисподнюю...»

Так Чарлз Диккенс начинает «Повесть о двух городах», рассказывающую о событиях времен Великой французской революции. Впрочем, тут же добавляет: «...Словом, время это было очень похоже на нынешнее, и самые горластые его представители уже тогда требовали, чтобы о нем – будь то в хорошем или дурном смысле – говорили не иначе как в превосходной степени».

Похоже, что мы с полным основанием можем взять эстафету у Диккенса, приложив вышеприведенные его слова к XX веку, бурной эпохе войн и революций, в которые была ввергнута Россия.

И сегодня об этой эпохе говорят, как правило, в превосходной степени – либо возносят ее до небес, либо обрушивают в преисподнюю. Но мало кто удосуживается спокойно, с холодной головой разобраться в ее сложных перипетиях. В этом смысле, думается, бесспорную ценность приобретают свидетельства непосредственных участников бурных событий начала, середины и конца нашего столетия.

Именно поэтому я и решил взяться за перо. Надеюсь, что имею на это моральное право, ибо семья моя принимала самое активное участие как в революции, так и в послереволюционной жизни страны. И тоже то витала в облаках, то обрушивалась в преисподнюю.

Мой отец, Александр Трояновский, был и кадровым офицером русской армии, и революционером; близко знал Ленина, Плеханова и Сталина; участвовал в трех войнах; сидел в тюрьме и при царе, и при советской власти; работал послом в Японии и стал первым советским послом в Соединенных Штатах. Пережил он и 30-е годы массовых репрессий, когда свобода и сама жизнь находились под угрозой.

Мне довелось быть переводчиком и помощником у великих мира сего, а потом так же, как и отец, я пошел по дипломатической стезе. Жизнь сталкивала меня со Сталиным и Молотовым, Хрущевым и Брежневым, Андроповым и Горбачевым, со многими другими видными российскими и иностранными деятелями. И тут тоже были свои взлеты и падения.

Все сказанное и побудило меня рассказать о двух поколениях семьи Трояновских. О жизни отца я знаю в основном по его устным рассказам: он, к сожалению, не оставил никаких письменных воспоминаний. Этот пробел я заполнил, отчасти используя некоторые архивные документы. Впрочем, материалы из архивов я включил и в те разделы книги, где описываю собственную одиссею.

Работая над этими воспоминаниями, я не ставил своей задачей живописать очерки истории XX века, а просто хотел поведать о наиболее ярких, на мой взгляд, эпизодах жизни не совсем ординарной семьи, жившей в очень неординарное время.

Поручик – революционер

Корни семьи Трояновских прослеживаются с XVII века, причем свое начало они берут из Польши и Литвы. В основном это была военная семья. Мой дед, Антон Трояновский, также был офицером и, дослужившись до полковника, умер сравнительно молодым, оставив жену Марию с четырьмя детьми и ограниченными средствами. Оба мальчика согласно семейной традиции были направлены в кадетский корпус. Старший, Антон, впоследствии пошел по медицинской линии, а младший, мой отец, Александр, стал артиллерийским офицером.

Александр учился исключительно хорошо, много читал, находясь в кадетском корпусе, но был весьма озорным подростком, с которым воспитателям приходилось нелегко. Его рассказы о жизни в кадетском корпусе, которые мне доводилось слышать, говорят о том, что он и его друзья доставляли начальству немало хлопот.

Однажды ребята забрались в часовню при кадетском корпусе, выпили вино, предназначенное для ритуальных целей, и в состоянии отнюдь не религиозного экстаза учинили дебош. Шум привлек внимание священника, который, войдя в часовню и увидев все это безобразие, пришел, разумеется, в ужас. Святотатство было настолько ужасающим, что дело кончилось ничем: мудрый батюшка решил замять дело, дабы неизбежный громкий скандал не опорочил его доброго имени.

Были и другие прегрешения. На выпускных церемониях начальник кадетского корпуса, поздравив отца с высокими оценками в учебе, не преминул изречь: «А он, мятежный, ищет бури, как будто в буре есть покой». Эти слова оказались пророческими.

Окончив Воронежский кадетский корпус, Александр Трояновский был принят в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, весьма престижное заведение, дававшее высокий уровень познаний не только по военной части, но и в области математики, физики и других естественных наук. Среди окончивших Михайловское училище было немало видных военачальников, в их числе генерал Корнилов, руководитель известного мятежа в 1917 году. Любопытно, что курс фортификации там вел композитор, участник «Могучей кучки», инженер-генерал Ц. А. Кюи. В Михайловском училище, по рассказам отца, дух вольнодумства давал о себе знать значительно сильнее, чем в Воронеже, где он выражался скорее в детских и подростковых шалостях. Здесь учились уже люди интеллектуально более зрелые, живо интересующиеся социальными и политическими проблемами. К тому же Петербург был столицей великой империи, где молодые люди могли вступить в контакт с представителями различных радикальных или либеральных, легальных и нелегальных групп. Так случилось, что уже в 1902–1903 годах, когда отцу едва исполнилось 20 лет, у него установились тесные связи с группой молодых офицеров, придерживавшихся социал-демократических взглядов. Вместе они часто обсуждали положение в стране, вели агитацию среди рядовых солдат.

И в то же время продолжали верно служить Отечеству. Отец вспоминал, как курсанты училища стояли в карауле Зимнего дворца, охраняя покой Николая II и его семьи. Когда царь проходил мимо них, они должны были становиться во фронт и обнажать сабли. Отец тогда и подумать не мог, что стремительно развивающиеся события в России уже через несколько лет заставят его обнажить саблю против царя всерьез.

Общественно-политический климат в России к началу XX века был таков, что молодой человек, обладавший острым чувством социальной справедливости и болезненно воспринимавший тогдашнюю отсталость своей родины, ее крепостнические пережитки, видел перед собой мало иных путей, кроме революционной борьбы за коренное переустройство российской общественной и политической жизни.

Немало способствовало этому и то, что на верхушке изъеденной нищетой, размежеванной сословными перегородками страны восседал ограниченный, слабовольный, двуличный

человек с мировоззрением гвардейского офицера, находившийся к тому же под каблуком своей неврастеничной жены.

Александр Керенский, не ахти какой революционер, писал много лет спустя: «Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запрещенные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим. «Поняли ли вы, – говорил он, выступая в Думе, – что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом?... С нарушителями закона есть только один путь борьбы – физического их устранения».

Если так говорил депутат-трудовик, то можно себе представить, какие мысли витали в умах молодых людей, стоящих на более левых позициях.

Между тем Александр Трояновский, окончив Михайловское артиллерийское училище в чине подпоручика, был направлен в 33-ю артиллерийскую бригаду Киевского военного округа. Вскоре он вольнослушателем поступил на физико-математический факультет Киевского университета, а позднее и на юридический факультет, успешно окончив оба. Таким образом, он имел три высших образования – военное, физико-математическое и юридическое.

И конечно же молодой высокообразованный интеллигент не мог оставаться в стороне от революционной волны, буквально захлестнувшей страну. Из того, что я слышал от отца, он руководствовался теми же чувствами и мыслями, что и тысячи других молодых людей его поколения. Он прекрасно понимал, что общественно-политическая система России безнадежно устарела, что страна с ее беспорядком и нищетой все больше отставала от других европейских государств. К этому примешивалось и острое чувство стыда за дискриминационную политику режима по отношению к национальным меньшинствам, населявшим Россию. Отец с безразличностью воспринимал любые проявления антисемитизма. Зверские погромы, которые, как правило, поощрялись и даже организовывались властями, вызывали у него отвращение и возмущение. Все это, вместе взятое, и побудило молодого офицера войти в революцию.

В 1904 году в возрасте 22 лет Александр Трояновский вступил в социал-демократическую партию, примкнув к ее большевистской фракции. Почему именно большевистской? Впоследствии он объяснял, что для него это был вполне естественный поступок в силу его темперамента. Он видел, что большевики составляли наиболее боевитую часть российской социал-демократии. Ему представлялось, что в борьбе против мощного механизма самодержавного полицейского государства революционное движение могло преуспеть, только опираясь на сплоченную подпольную организацию с твердой дисциплиной.

В 1904 году, продолжая служить в армии, отец начал активно работать в Киевской организации Российской социал-демократической партии. Много лет спустя известный советский политический деятель Д. З. Мануильский, который в те годы также принадлежал к киевской организации, рассказывал мне, что выступления отца перед солдатами производили большое впечатление, особенно когда он появлялся в офицерской форме. Офицер, произносивший революционные речи, – это для солдат было необычно и поэтому имело сильное воздействие. Можно только удивляться некомпетентности военной полиции того времени, которая не могла уследить за этим необычным офицером и арестовать его. Впрочем, бездарность российских силовых структур вскоре проявилась в гораздо более широком масштабе.

В апреле 1905 года подпоручик Трояновский был направлен в артиллерийскую часть, участвовавшую в боях с японскими войсками на сопках Маньчжурии.

Отец рассказывал, что их командующим был придворный генерал Николай Линевиц. Он бросал против хорошо укрепленных японских позиций один полк за другим без какой-либо артиллерийской подготовки. Мой полковник, говорил отец, решил замаскировать наши батареи, как делали это японцы. Во время осмотра позиций Линевиц обругал его за «трусость»

и понизил в должности. А перед строем заявил, что храбрый офицер не прячется сам и не прячет свои орудия от противника.

Неудивительно, что русскую армию разбили в сражении под Мукденом, а флот почти полностью уничтожили в Цусимской битве. Война была проиграна – полностью и безоговорочно.

Отец участвовал в сражениях. Он был свидетелем ужасов войны. И с особой болью наблюдал, как героизм солдат и офицеров был не в состоянии спасти то, что терялось в результате бездарного командования, слабой огневой мощи, недостатка снаряжения, питания и многого другого. Для отца это была первая война. Ему предстояло принять участие в двух других – Первой мировой и Гражданской.

После окончания войны с Японией Трояновский был переведен в Четвертый Сибирский артиллерийский дивизион в Иркутске. Во время его пребывания там пошли слухи о возможном использовании армейских частей для массовых репрессий против растущего революционного движения. Молодой офицер ужаснулся при мысли, что и его части может быть приказано принимать участие в этих репрессиях. Именно тогда он пришел к решению о необходимости уйти в отставку из армии и полностью посвятить себя революционной деятельности.

Рапорт, который он подал командиру своего дивизиона, гласил: «Вслед за роспуском Государственной думы армия может быть брошена против народа для подавления в небывалых еще размерах силою оружия его стремления к лучшим формам государственной и общественной жизни, тогда как сама армия содержится на средства, собранные с народа, для него существует и интересам его только должна служить. Считая унижением для своего достоинства, противным чести, совести и долгу перед родиной находиться при таких условиях в рядах армии, прошу ходатайствовать об увольнении меня от службы...»

К рапорту было приложено прошение на имя Николая II, где Трояновский писал, что «велеие совести» лишает его возможности «при современных условиях и роли, какую играет в настоящее время армия» в российском государстве, продолжать службу. Он просил принять его отставку.

Прочитав этот рапорт, командир дивизии пришел в ужас. Он пытался отговорить молодого поручика, указывая на тяжелые последствия, которые его ждут, но тот был непреклонен. Рапорт пошел по инстанциям. 14 сентября 1906 года последовал приказ военного министра «об увольнении поручика Трояновского со службы и о предании его суду без производства предварительного следствия». 16 октября отставка была принята «высочайшим указом». Затем последовал военный суд, который вынес приговор о лишении «уволенного в отставку бывшего поручика Александра Трояновского всех прав офицера в отставке». Отныне он становился «неблагонадежным», или, как бы мы сказали сегодня, диссидентом.

После этого отец формально стал числиться сотрудником редакции леволиберальной газеты «Киевская мысль», где писал рецензии на музыкальные концерты. Газета служила ему крышей для революционной деятельности, а его знакомство с музыкой ограничивалось тем, что он познал, играя на кларнете в духовом оркестре кадетского корпуса. Чтобы хоть как-то заполнить пустоты своего музыкального образования, он обычно приглашал заезжего музыканта на обед накануне концерта и таким образом узнавал кое-какие сведения о музыке, которая должна была прозвучать на следующий день. Однажды очередной гастролер в последний момент изменил программу концерта, и это стало финалом карьеры молодого музыкального рецензента.

Осталась основная работа в военной организации Киевского комитета РСДРП. Работа по подготовке боевых дружин на случай вооруженного восстания. Отец говорил, что в то время он был занят с утра до вечера, распространяя нелегальную литературу, принимая участие в различных собраниях, выступая на митингах.

Тогда в Киеве Александр Трояновский познакомился с Еленой Федоровной Розмирович, на редкость красивой женщиной, несколькими годами моложе его. Вскоре они поженились. Она также стала профессиональной революционеркой, членом большевистской фракции социал-демократической партии.

Все опаснее и труднее стало вести нелегальную революционную работу. В нескольких случаях отец только чудом избежал ареста. И все же попался. В августе 1907 года в лесу около поселка Пуша-Водица состоялось собрание членов Киевской социал-демократической организации. Обсуждались вопросы, поставленные в программе Лондонского съезда РСДРП, тактика партии в связи с выборами в третью Государственную думу и другие партийные дела. Участники собрания были выданы провокатором. Большинство из них, в том числе и отец, были арестованы. Во время обыска на его квартире ничего не нашли. Была устроена очная ставка с солдатами, ожидавшими суда, но никто из них «не опознал» его, хотя все они прекрасно его знали. Пришлось отпустить за недостаточностью улик.

К тому времени Александр Трояновский начал серьезно заниматься литературной работой – писал статьи, брошюры, листовки. Полиция принимала все возможные меры, чтобы обнаружить типографию, где печатались эти материалы, а также журнал «Железнодорожный пролетарий». Позднее вместо него стал выходить журнал «Южный пролетарий». Распространяли эти материалы в основном молодые люди. Разумеется, они были движимы своими общественно-политическими идеалами. Но много лет спустя отец говорил, что одновременно их увлекала сама игра в кошки-мышки с полицией. Опасность этой игры в юном возрасте их особенно не беспокоила, наоборот, щекотала нервы, тем более что они были абсолютно убеждены в скором крахе царского режима.

Полиция продолжала интенсивные поиски, и 4 октября 1908 года начальник Киевского охранного отделения Кулябко смог доложить: «Сегодня в доме № 64 по Львовской улице арестовал на ходу нелегальную типографию Юго-Западного железнодорожного бюро, обслуживающую местный социал-демократический комитет, военную и студенческую организации и железнодорожный профессиональный союз».

Жандармы нашли в типографии множество рукописей. Эксперты по почеркам установили, что рукописи прокламаций и статей были написаны отцом, и он был арестован прямо на улице. И хотя ему удалось выбросить находившиеся при нем бумаги, все же на этот раз доказательств было и без того более чем достаточно.

Во время следствия, продолжавшегося несколько месяцев, отец содержался в киевской тюрьме, которая в то время называлась Лукьяновской. Политические заключенные и уголовники содержались в общих камерах. Уголовники иногда пытались помыкать политическими, заставляли выполнять различные унижительные поручения. Однако они быстро сбавляли тон, если им не давали спуска. Суд состоялся 23 и 24 февраля 1909 года. Трояновский был признан виновным и приговорен «к ссылке на поселение в местности, для того предназначенные, с праволишениями и последствиями по статьям 23, 25, 28–31 и 35 уголовного уложения». 28 июня 1909 года он был «отправлен в ведение Енисейской губернской тюремной инспекции с этапом». До Красноярска ссыльные ехали поездом. Затем арестованных сгруппировали в колонну, надели на руки и ноги кандалы и отправили по этапу в Енисейск, а оттуда в деревню Тиханово Бельской волости. Жить там было тяжело. Отсутствовала какая-либо торговля, не было ни школы, ни библиотеки – культурная пустыня. А в 1909 году пришла инструкция, согласно которой ссыльным запрещалось заниматься всякой работой, которая могла приносить хоть какой-то заработок. Это было мрачное, беспросветное существование.

К этому времени была арестована и Елена Розмирович, ее также отправили в сибирскую ссылку, правда, в другой район.

В один из ссыльных дней отец получил письмо от Абрама Френкеля, приятеля из Киева, который сначала был сослан в далекую деревеньку Енисейского края, но затем получил разре-

шение жить в самом Енисейске. Френкель решил пригласить отца погостить у него и получил разрешение на такую побывку. Жизнь в Енисейске была гораздо более свободная и в какой-то степени цивилизованная. Френкель даже ввел отца в дом губернатора, представив его в качестве репетитора математики для его детей.

Несколько позже появилась идея организовать побег отца за границу, где он мог продолжать революционную деятельность уже в качестве эмигранта. Подготовка побега заняла несколько месяцев. Наконец все было готово, отца снабдили соответствующими паролями и информировали о местах встречи на пути.

Из Енисейска Трояновский должен был выехать в коляске вроде как на прогулку, и только за городом надо было пересесть в возок. Побег не обошелся без приключений. На одной из улиц города навстречу ехал сам губернатор в своем экипаже. К счастью, беглец не растерялся: он привстал, приподнял фуражку. Губернатор, ничего не заподозрив, машинально ответил на приветствие. Доехав благополучно до Красноярска, отец отыскал аптеку, где в пачке горчичников он нашел билет на поезд. А парикмахер, который его брил, передал ему мешок с одеждой. Как видно, существовала налаженная система переправки беглецов из ссылки на волю. Тем не менее на одном из последних этапов побег чуть не сорвался. На перроне пограничной станции ему был передан паспорт на имя Гайдамовича. Когда поезд начал набирать скорость, в вагон вошел пограничник, начал собирать паспорта. Отец отдал ему свой и тут же спохватился, что начисто забыл новую фамилию. Положение казалось безнадежным. Офицер пограничной службы подходил по очереди к каждому купе, пассажиры называли ему свои фамилии и получали свои паспорта. Отец все же нашелся, он отошел в противоположный конец вагона и стал у окна рядом с купе проводника. Когда офицер подошел к нему, у него на руках оставался только один паспорт. Он открыл его, взглянул на отца, сверился по фотографии и, взяв под козырек, передал ему паспорт со словами: «Ваш паспорт, господин Гайдамович». Путь в Париж был открыт.

В Париже к отцу через некоторое время присоединилась его жена, которой также удалось бежать из ссылки и выехать из России. Можно только удивляться большому количеству побегов из ссылки в те последние годы царского режима. Наверное, это было одним из признаков его полного разложения.

В то время в Западной Европе жили тысячи российских политических эмигрантов. Женева, Цюрих, Париж, Вена, Лондон стали тогда основными центрами эмиграции. Эмигранты вели какой-то необычный образ жизни. Люди, политически активные на своей родине, здесь оказывались полностью отторгнутыми от своей естественной среды. И потому свободное время заполнялось бесконечными теоретическими спорами, склоками и ссорами. Некоторые вообще отворачивались от политики и погружались в состояние прострации и апатии. Или с головой замыкались в сугубо личную жизнь.

По приезде в Париж Александр Трояновский посетил Плеханова. Георгий Валентинович предложил ему прийти в 6 часов вечера. Когда отец нажал на звонок без пяти минут шесть, открывшая ему девушка сказала, что Плеханова нет дома. Это его не удивило, так как хозяин дома был известен своей пунктуальностью и стремлением приучить к этому и других. Поэтому он вернулся через пять минут и ровно в шесть снова нажал на звонок. На этот раз дверь открыл Павел Аксельрод, который встретил гостя весьма приветливо, проводил его в комнату, где находился Плеханов. Было видно, что в этом доме все с большим благоговением относились к патриарху марксистской мысли в России. Когда они проходили через комнату, до потолка заставленную книгами, Аксельрод сделал широкий жест в сторону всех этих полок и произнес: «Жорж все это читал!» Беседа с Плехановым прошла интересно, с пользой для молодого эмигранта. Но его несколько поразило, что Георгий Валентинович не говорил, а как бы вещал с высоты своего величия. Это был не разговор по душам, на что рассчитывал отец, а лекция, с которой он ушел со смешанными чувствами.

Другое дело Ленин, с которым у отца установились тесные отношения. Это был очень живой, общительный, динамичный человек, у которого энергия буквально была через край. При первом знакомстве он засыпал отца градом вопросов о положении в России. Но он мог и слушать внимательно – качество, нередко отсутствующее у людей вождистского масштаба.

Несколько позднее отец обратил внимание на некоторые другие ленинские качества. Среди них была тенденция увлекаться полемикой. В этих случаях Ленин готов был применять и непарламентские выражения и наносить удары ниже пояса: когда ввязываешься в драку, палки не выбираешь. Ленин был хорошим, можно даже сказать, первоклассным оратором. Но это была не французская школа ораторского искусства, с ее округлыми фразами и несколько претенциозными, а иногда даже напыщенными выражениями. Нет, это было нечто гораздо более простое, но более логичное и мощное, пожалуй даже властное.

Был и недостаток: звуки ленинского голоса были приглушенными, особенно на открытом воздухе. Отцу довелось присутствовать на похоронах дочери Карла Маркса Лауры и ее мужа Поля Лафарга, которые заключили своего рода пакт – уйти из жизни в 70 лет, потому что им казалось, что они не смогут полезно трудиться в более преклонном возрасте. И оба покончили счеты с жизнью одновременно. Похороны состоялись в Париже в октябре 1911 года. Попрощаться пришли огромные толпы людей. Ленина почти не было слышно. Он оказался в невыгодном положении еще и потому, что выступал сразу после Жана Жореса, лидера французских социалистов, обладавшего исключительно мощным голосом. В то время микрофоны еще не были изобретены, и ораторы должны были полагаться на силу своих голосовых связок.

Трояновские сблизилась и с членами семьи Ленина. Я слышал от отца немало забавных историй о них. Например, о матери Надежды Константиновны Крупской, Елизавете Васильевне. Она жила со своей дочерью и зятем и переезжала с ними с места на место, из одного города в другой. Ленин с большим вниманием и уважением относился к своей теще, заботился о ней, бегал покупать для нее курево – она много курила. Елизавета Васильевна мало разбиралась в политике и не интересовалась ею. Иногда она говорила: «Конечно, Володя очень хороший человек, но все-таки жалко, что Надя не вышла за того почтового служащего. Может быть, тогда бы мы не жили, как бродяги». История не донесла до нас, кто был этот почтовый служащий.

Ленину было свойственно по-человечески привязываться к людям, причем иногда эта приязнь сохранялась до конца жизни. Такой, например, была его привязанность к Плеханову и Мартову, несмотря на то что как с тем, так и с другим он полностью разошелся в политике. Отец вспоминал, что после IV съезда РСДРП 1906 года, получившего название Объединительного, Ленин, говоря о своих отношениях с Плехановым, любил повторять французскую поговорку: «On revient toujours a son premier amour», то есть «Всегда возвращаешься к своей первой любви». Другой пример: Монтегюз, французский шансонье, который исполнял в рабочих кварталах Парижа сочиненные им самим революционные песни. Много лет спустя отец все еще помнил одну песню, которую любил Ленин, о солдатах французского полка, отказавшихся стрелять в бастующих рабочих: «Salut, salut a vous, les braves soldats de dix-septieme».

Увлекался Ленин шахматами, велосипедом, прогулками в горах. Эти увлечения разделял и отец.

В июне 1913 года Ленин с Крупской должны были переехать из Кракова, недалеко от которого они жили, в Берн, где Надежде Константиновне должны были сделать операцию по поводу базедовой болезни. По пути в Швейцарию они на пару дней остановились в Вене и жили в квартире Трояновских, которую те сняли по приезду из Парижа. Отец предложил им посетить Венскую картинную галерею и музей Лихтенштейна. Оказалось, что гости очень интересовались изобразительным искусством. Одним из любимых живописцев Владимира Ильича был великий фламандец Питер Пауэл Рубенс. Отец вспоминал, что Ленин останавливался почти перед каждым его полотном, рассматривая различные детали картины. Значительно позже, в

1934 году, отец написал статью, опубликованную в «Известиях», о вкусах Ленина в области живописи, которая была одобрена Крупской. По-видимому, этот интерес к Рубенсу объяснялся тем, что его четкие образы, яркий колорит, уверенная, свободная манера письма были каким-то образом созвучны натуре Ленина.

Ленин, несомненно, оказал большое влияние на Александра Трояновского, особенно в первые годы их знакомства, когда отец все еще был молодым человеком и не мог не находиться в сфере притяжения такой харизматичной личности, как Владимир Ильич.

По словам отца, ленинская притягательность не исчезала даже на отдыхе, в моменты расслабления. Когда эмигранты собирались в каком-нибудь парижском или женеvском кафе, присутствующие, как правило, группировались вокруг Ленина, как будто их притягивал магнит. Эта сила притяжения распространялась даже на официанток, хотя при самой богатой фантазии Ленина нельзя было назвать видным мужчиной. Очевидно, он заряжал окружающих своей колоссальной энергией, которая, в свою очередь, вытекала из его неукротимой целеустремленности, целиком отданной служению революции. И здесь благие намерения переходили в свою противоположность: цель для него нередко оправдывала средства. А средствами могли стать и люди, во имя которых делалась революция. Ленин далеко не был святым, каким его изображали долгие годы. Но и злодеем – тоже. Истории еще предстоит дорисовать его истинный портрет.

В январе 1913 года Трояновские отправились в Краков, в ту часть Польши, которая была аннексирована Австро-Венгрией. Здесь состоялась конференция партийных работников под председательством Ленина, который предложил начать издание легального ежемесячника под названием «Просвещение». Отец стал членом заграничной редакции нового журнала.

Крупская писала в своих воспоминаниях: «...Владимир Ильич возлагал большие надежды на Трояновских. Трояновская Елена Федоровна (Розмирович) собиралась в Россию. Говорили о необходимости издания при «Правде» целой серии брошюр. Планы были широкие».

В январе 1913 года Ленин писал Максиму Горькому: «...Товарищ, который перешлет Вам это письмо, – живущий теперь в Вене Трояновский. Он с женой взялся энергично за «Просвещение», раздобыл малую толику деньжонок, и мы надеемся, что благодаря их энергии и помощи удастся поставить марксистский журнальчик против ренегатов ликвидаторов. Думаю, и Вы не откажете помочь «Просвещению».

Отец очень серьезно отнесся к новой работе. Он помогал находить статьи и информацию для публикации. Сам писал для ежемесячника, заботился о том, чтобы между Веней и Россией, где он печатался, поддерживалась постоянная связь. В 1913 году ежемесячный тираж вырос с трех до пяти тысяч, что по тем временам было очень солидно.

Горький согласился редактировать литературный раздел. Эта новость обрадовала Ленина. В феврале 1913 года он писал Горькому: «Трояновскому и его жене напишу про Ваше желание свидеться. Это было бы в самом деле хорошо. Они люди хорошие...»

По мере того как росли влияние и популярность журнала, росло и раздражение полиции и цензоров. В июне 1914 года «Просвещение» было запрещено властями.

Трудности в распространении партийной литературы причиняли постоянную головную боль Ленину и его сторонникам. Главными из них были цензура и полиция, а также нехватка средств. В этой связи отец любил вспоминать эпизод, который ему представлялся довольно забавным, особенно в свете его последующей карьеры. Однажды Ленин сообщил ему, что имеется острая необходимость издать сборник статей, но не ясно, как это можно сделать по причине полного отсутствия денег в партийной кассе. Поразмыслив, он предложил обратиться к Давиду Борисовичу Рязанову, человеку со средствами, участвовавшему в революционном движении, но не входящему в то время в РСДРП. На замечание отца, что тот вряд ли согласится тратить свои деньги на публикацию большевистской литературы, Ленин посоветовал привлечь

его предложением написать предисловие к сборнику. Описав в ярких тонах, до каких высот поднимется престиж несговорчивого издателя, если его предисловие украсит столь важный сборник, отец в конце концов уговорил Рязанова. Ленин был очень рад этому успеху, но потом, подумав, сказал: а зачем, собственно говоря, нам его предисловие. Сходите к нему еще раз и попробуйте уговорить, чтобы он дал деньги без предисловия. Отец снова отправился к Рязанову и стал долго объяснять ему, что он может оказаться в неловком положении, если его предисловие окажется в сборнике статей авторов-большевиков. В конечном итоге отцу удалось, к своему большому удивлению, получить согласие на финансирование сборника без предисловия издателя.

Узнав об этом, Ленин воскликнул: «Так вы, оказывается, настоящий дипломат!» Эти слова оказались пророческими.

Конец декабря 1913 года. Отец, его жена и ее маленькая дочь от предыдущего брака живут в Вене в доме номер 30 по Шенбрюннер-Шлосс-штрассе. На этом доме и сегодня висит мемориальная доска, извещающая, что там пребывал некоторое время... нет, не Александр Трояновский с семьей, а человек, который постучался в дверь его квартиры в тот холодный декабрьский день и с сильным грузинским акцентом представился как Иосиф Джугашвили.

Появление Сталина на пороге квартиры Александра Трояновского не было неожиданно: Ленин заранее предупредил его о приезде в Вену «одного чудесного грузина». Хозяева встретили гостя как можно радушнее, поместили в отдельной спальне, благо квартира была достаточно просторная. В целом Трояновские, как отец позднее рассказывал, не бедствовали в эмиграции. Он неплохо зарабатывал, давая уроки детям русских богачей, и оба они, особенно Елена Федоровна, получали деньги от родных из России. Их гость показался им несколько мрачноватым и мало общительным, но объясняли это тем, что ему, быть может, впервые пришлось жить в интеллигентной семье. И действительно, через некоторое время он как бы раскрепостился, привык к новой обстановке. И даже стал довольно приятным собеседником.

Сталин приехал в Вену, чтобы в спокойной обстановке поработать над книгой по национальному вопросу. А поскольку он не знал иностранных языков, то было договорено с одним русским студентом, который жил в то время в Вене, что тот будет брать из библиотеки необходимые книги и переводить нужные отрывки. А Трояновские и Николай Бухарин, который также находился в то время в Вене, в случае необходимости могли оказывать гостю консультативную помощь.

Работа Сталина по национальному вопросу была опубликована в 3-м, 4-м и 5-м номерах журнала «Просвещение». А тем несколькими неделям, которые он провел в Вене, суждено было сыграть решающую роль в жизни Александра Трояновского.

В Вене жил и Троцкий. У отца с ним никогда не было взаимной симпатии. Отец считал Троцкого человеком хотя и способным, но склонным к авантюрам и очень себялюбивым, «настоящей примадонной», как он любил говорить.

Между тем в том же 1913 году заметно испортились отношения отца с Лениным. Отправной точкой послужило небезызвестное дело Романа Малиновского, который, как выяснилось, был агентом царской охранки. Отец оказался непосредственно причастным к его разоблачению.

В те годы провокаторство создавало большие проблемы для революционного движения в России. Согласно последним подсчетам, только в среде большевиков, меньшевиков и эсеров (правых и левых) действовало свыше двух тысяч штатных секретных сотрудников. Дело Малиновского стало одним из самых шумевших, поскольку он был депутатом Четвертой Государственной думы, членом ЦК партии, одним из ее видных деятелей.

Услуги Малиновского департаменту полиции были значительными. Он сообщал важную информацию о руководящих органах большевиков, приносил письма Ленина, Крупской, Зиновьева.

вьева. Ему даже удалось передать архив думской фракции большевиков и список подписчиков «Правды». Он выдал полиции ряд видных большевиков-нелегалов.

Александр Трояновский был одним из первых, у кого зародились подозрения относительно истинного лица Малиновского. Эти подозрения разделялись Еленой Розмирович, Николаем Бухариным и некоторыми другими. В то же время безупречных доказательств вины Малиновского не было. Скорее, это были догадки, основанные на его поведении, манере держаться и т. д. То, что отец считал наиболее убедительной уликой, было связано с поездкой Елены Розмирович в Россию весной 1913 года, когда она получила от Центрального комитета ряд важных поручений, о которых знал и Малиновский. В Киеве она была арестована. Из тюрьмы ей удалось переправить отцу письмо, в котором она писала, что его подозрения в отношении Малиновского имеют веские основания и подтверждаются многими ставшими ей известными фактами. После этого отец направил своему брату в Россию письмо обычной почтой, в котором высказал свои соображения по поводу провокаторской деятельности «одного видного члена партии». В письме, которое конечно же было прочитано в полиции, говорилось, что если Розмирович не будет немедленно освобождена, то это послужит доказательством виновности указанного лица.

В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 году директор Департамента полиции С. П. Белецкий, который «вел» Малиновского, довольно подробно остановился на этом эпизоде. Он сообщил, что Малиновский был напуган намеками Трояновского и настоял на освобождении Розмирович, хотя, по мнению Белецкого, в интересах самого Малиновского следовало не освобождать Розмирович, а продолжать ее судебное преследование.

Очевидно, Белецкий разгадал игру отца. В ходе своих показаний он высказал следующее мнение об Александре Трояновском: «...Трояновский меня в ту пору очень интересовал, я собирал о нем много сведений через Малиновского и агентуру, с большим вниманием читал то, что он писал для думских выступлений, в особенности по бюджету, следил за его перепиской, видел в нем убежденного противника, умного и вдумчивого человека, который, как я предполагал, в будущем должен был от Ленина отколоться. Осуществилось ли мое предположение или нет, я не знаю, но я такое впечатление выносил из всего того, что ко мне поступало в качестве материала, обрисовывавшего личность г. Трояновского».

Отец воспринял освобождение своей жены как подтверждение виновности Малиновского и принялся вместе с некоторыми другими членами партии требовать официального расследования его деятельности. Между тем Ленин и ряд лиц из его ближайшего окружения продолжали верить в невиновность Малиновского. Как уже говорилось выше, у Ленина была склонность привязываться к людям, которые ему нравились, и в этих случаях он готов был не замечать их отрицательных качеств. В данном случае он видел в Малиновском, который выдвинулся из рабочей среды и, безусловно, обладал немалыми талантами, идеального вожака рабочих.

Все же под давлением многих членов партии, среди которых отец был наиболее активным, Ленин был вынужден создать партийную комиссию, в которую вошел и сам, для расследования дела Малиновского. Однако при отсутствии каких-либо очевидных доказательств в его виновности комиссии не составило большого труда отклонить все подозрения и объявить Малиновского невиновным.

Отец вспоминал потом, что вся эта история напрочь испортила его отношения с Лениным, который не любил, когда ему перечили. Он стал смотреть на отца как на склочника или интригана. Существует несколько писем Ленина, в которых употребляются именно эти термины в адрес отца, а то и похуже, все из-за того же Малиновского. А некоторые лица из его ближайшего окружения реагировали еще более бурно. Инесса Арманд, например, буквально

наскикивала на отца с кулаками: как вы смеете клеветать на такого замечательного человека, как Малиновский!

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине довольно подробно высказывается о деле Малиновского. Она пишет, например, следующее: «Владимир Ильич считал совершенно невероятным, чтобы Малиновский был провокатором. Раз только у него мелькнуло сомнение. Помню, как-то в Поронине, когда мы возвращались от Зиновьевых и говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг остановился на мостике и сказал: «А вдруг правда?» И лицо его было полно тревоги. «Ну что ты», – ответила я. И Ильич успокоился... Больше у него не было никаких колебаний в этом вопросе».

Все прояснилось самым неожиданным образом. Новый вице-министр внутренних дел генерал Джунковский был шокирован, узнав, что депутат Думы от оппозиционной партии – полицейский агент. Опасаясь скандала, он приказал ему сложить полномочия депутата и покинуть страну. Но, даже убедившись в вине Малиновского, Ленин постарался преуменьшить значение этого дела. В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства он высказал предположение, что Малиновский принес больше пользы революционному движению, чем властям. Согласно его аргументации полиция, дабы замаскировать провокаторскую деятельность своего агента, вынуждена была разрешить ему активно выступать в Думе, писать статьи для «Правды» и т. д. Таким образом, утверждал Ленин, полиция невольно помогала большевистской партии вести революционную антиправительственную деятельность. Довольно сомнительная аргументация.

После революции Малиновский добровольно сдался советским органам, был отдан под суд и расстрелян.

Следующее расхождение между Лениным и отцом произошло вскоре после начала Первой мировой войны, на сей раз уже по политическим мотивам. Ленин написал прокламацию, призывающую солдат протестовать против войны, не идти на фронт и нападать на офицеров. Ознакомившись с проектом прокламации, отец стал возражать, особенно против последних слов. Он обратил внимание Ленина на то, что большинство офицеров во время войны – не профессиональные военные, а гражданские лица, призванные в армию. Это учителя и врачи, инженеры и писатели, актеры и художники с различными политическими взглядами. Поэтому призыв нападать на них был бы политической ошибкой. После короткого спора Ленин согласился, хотя и в данном случае было видно, что он без восторга воспринимал такого рода замечания.

Но это были лишь авангардные стычки, окончательная размолвка произошла несколько позже, когда война была в полном разгаре. Суть спора заключалась в отношении социал-демократов к своим правительствам в этой войне. Социал-демократические партии подавляющего большинства стран проголосовали за поддержку своих правительств. С точки зрения Ленина, долг социал-демократов состоял в выдвижении лозунга борьбы с собственным правительством. Он исходил при этом из лозунга Маркса и Энгельса о том, что пролетарии не имеют отечества.

Александр Трояновский отказался поддержать крайнюю позицию Ленина и его сторонников, полагая, что необходимо обороняться против Германии как самой сильной империалистической державы. В то же время он не присоединился к какой-либо другой из существовавших в то время за границей политических групп.

Отношение Ленина к тем, кто занимал такую позицию, было категорически отрицательным. В одном из писем Инессе Арманд, рассказывая о своей беседе с крестьянином из Воронежа, бежавшим из немецкого лагеря для военнопленных и оказавшимся в Швейцарии, он писал: «Насчет защиты отечества наш воронежец – как Трояновский и Плеханов. Сочувствует социализму, но «ежели немец прет, как же не защищаться?»

Это было тяжелое для революционеров время. В результате политических раздоров старые друзья становились врагами и даже разрывались супружеские узы. Примерно в это же время разошлись и Александр Трояновский с Еленой Розмирович. Мне не известны причины развода, отец не любил говорить об этом. Но не исключено, что среди причин были и политические расхождения. Елена Федоровна осталась твердой последовательницей Ленина, занимала различные высокие посты в послереволюционный период. Она вышла замуж за Николая Крыленко, первого после прихода коммунистов к власти главнокомандующего российской армии, а позднее народного комиссара юстиции Советского Союза. Он был арестован и казнен в 1938 году во время сталинских репрессий. Елена Розмирович развелась с ним за несколько лет до этого и вышла замуж за врача, который был на много лет моложе ее. Это был ее четвертый муж.

После свержения монархии отец вернулся в Россию и немедленно вступил в армию. Участвовал в военных действиях на Юго-Западном фронте. Был свидетелем прогрессирующего процесса политизации и деморализации армии. Крестьяне, которые составляли подавляющую часть солдат, просто не понимали, ради чего они воюют. Они думали больше о своих семьях, избах, об урожае, который остался необраным.

Вспоминая об этом периоде, отец часто возвращался к вопросу о неотвратимости развала армии и о своих тщетных попытках остановить этот процесс. Однажды ему удалось убедить целый армейский корпус не покидать своих позиций, что привело бы к фактическому открытию фронта. При этом, по его словам, ему пришлось состязаться в ораторском искусстве с несколькими большевистскими агитаторами. В тот раз ему удалось одержать верх. Но в целом это была безнадежная борьба, объективные обстоятельства содействовали большевистскому радикализму.

А отец к тому времени (сентябрь-октябрь 1917 года) полностью примкнул к меньшевикам и даже вошел в состав их Центрального комитета, хотя по ряду параметров он по-прежнему сочувствовал большевикам. В ноябре 1917 года его избрали в Учредительное собрание, и он участвовал в его первом и единственном заседании 5 января 1918 года. Основным содержанием его выступления была проблема войны и мира. В этот момент велись переговоры о мире в Брест-Литовске, и он резко критиковал позицию российской делегации на этих переговорах, обвиняя ее в сговоре с немецким империализмом. Такая направленность его выступлений была, конечно, не случайной, так как именно проблема войны и мира была главной причиной его разрыва с Лениным.

Отец вспоминал, что в ходе своего выступления он постоянно получал записки от своих коллег с просьбой продолжать как можно дольше, то есть устроить своего рода «филибастер», как такой парламентский прием называют в Соединенных Штатах. Были обоснованные опасения, что новое правительство распустит Учредительное собрание. Поздно вечером оно так и поступило под предлогом, что Учредительное собрание отказалось признать указы, изданные большевистским правительством после Октябрьской революции.

Некоторые историки склонны считать разгон Учредительного собрания отправным моментом, от которого стрелки революционного барометра были переведены на «бурю». Они полагают, что, если бы в тот момент большевики и левые эсеры, с одной стороны – и какая-то часть правых эсеров и меньшевиков – с другой, нашли общий язык, революция могла бы развиваться иным, более мирным путем: без крови, страданий и гражданской войны. Но отец рассказывал, что при полном отсутствии доверия как с той, так и с другой стороны никто тогда не был склонен идти на компромисс. Эсеры и меньшевики уверовали в то, что большевистский эксперимент обречен на короткую жизнь. Большевики же, взяв власть в свои руки, пребывали в состоянии политической эйфории и не склонны были делить ее с кем-либо, особенно теперь, когда политические ветры стали дуть в их паруса.

Так что вряд ли Учредительное собрание в тот момент могло привести к какому-либо позитивному результату.

Вскоре разразилась Гражданская война со всеми ее жестокостями, совершенными обеими сторонами. Подчеркиваю: обеими. Нашим историкам никак не удастся нарисовать объективную картину содеянного. Прежде, во времена коммунистического правления, считалось, что все зверства совершались белогвардейцами, в то время как Красная армия состояла из сплошных ангелов! Теперь некоторые историки и политики шарахнулись в другую сторону. Вопреки всем фактам они изображают дело так, будто зверствовали большевики, а деникинцы, колчаковцы и прочие были кроткими агнцами.

Российское общество в ту пору раскололось на две полярные части, раскол был настолько глубоким, что для какого-либо центра места не оставалось. Отец рассказывал, что поначалу меньшевики, правые эсеры и даже либеральная часть кадетов пытались играть роль третьей, демократической силы, но очень быстро обанкротились. Ни одна из таких попыток не увенчалась успехом.

Так, 8 июня 1918 года вооруженные отряды, созданные эсерами, вместе с чехословаками вошли в Самару и создали там квазиправительство под названием Комитет членов Учредительного собрания. Позднее это правительство было преобразовано в Директорию с участием эсеров и кадетов, которая, однако, продержалась недолго. 18 ноября 1918 года она была разогнана офицерами из армии Колчака при помощи тех же чехословаков.

Еще более печальная судьба постигла другой подобный орган, также созданный эсерами, а именно Съезд членов Учредительного собрания. Этот съезд также был разогнан колчаковцами. При этом большую часть его участников в кандалах отправили в Омск, где зверски уничтожили. Сам лидер эсеров В. М. Чернов с трудом избежал гибели от рук белых офицеров. Оставшиеся на свободе после разгрома Директории и съезда представители партии эсеров на совещании 5 декабря 1918 года приняли постановление прекратить вооруженную борьбу с большевиками и все силы направить против Колчака. Как видно, Колчак не церемонился с представителями демократических партий, которые для него и его белогвардейского офицерства были такими же врагами, как и большевики. Действовал железный принцип: кто не с нами, тот против нас.

Не выдерживают критики и рассуждения некоторых историков о якобы цивилизаторской роли Антанты, которая вмешалась в дела России с целью помочь ее демократизации и умиротворению. На самом деле цель союзников была совсем иной. Керенский в своих воспоминаниях пишет, что когда он добрался до Парижа и встретился там с руководителями Антанты, то понял, что их вовсе не интересовали российские демократы. Всю ставку Антанта делала на монархическое офицерство и на военную диктатуру.

В Париже видный французский деятель Альбер Тома рассказал Керенскому об истинных планах союзников в отношении России. Оказывается, еще в конце 1917 года представители французского и английского правительств (лорд Мильнер и лорд Роберт Сесиль с английской стороны и Клемансо, Фош и Пишон с другой) заключили тайную конвенцию о разделе сфер влияния в западных районах «бывшей Российской империи». Согласно этой конвенции, сразу же после победы в войне балтийские провинции и прилегающие к ним острова, а также Кавказ и Закаспийская область должны были войти в английскую зону, а Франция получала такие же права на Украину и Крым.

Этим планам не суждено было сбыться. Не смог расколоть нашу страну впоследствии и Гитлер. А вот нам самим это удалось, я имею в виду политическое хакири в Беловежской Пуще.

Вернусь к нашей семейной хронике. Отец в то сложное время присоединился к меньшевистской фракции, во главе которой стоял Юлий Мартов. Они назывались меньшеви-

ками-интернационалистами. Это была самая левая из меньшевистских фракций и самая близкая к большевикам.

Члены этой фракции выступали против монархистов и белогвардейцев всех мастей. Они также протестовали против вмешательства Антанты в российские дела. Заявление, опубликованное 27 июня 1919 года за подписью группы членов меньшевистского Центрального комитета, в их числе и отца, содержало призыв к социалистическим партиям союзных стран воздействовать на свои правительства с целью прекращения какой-либо поддержки колчаковскому режиму, который был охарактеризован как крайне правый, террористический. В начале 1920 года меньшевики и эсеры объявили всеобщую мобилизацию всех своих членов на борьбу против белогвардейцев.

В обращении 3 марта 1921 года, озаглавленном «Всем социалистическим партиям, всем трудящимся – мужчинам и женщинам», меньшевистский Центральный комитет призвал рабочий класс не стремиться свергнуть советскую власть, а вести дело к изменению ее ошибочной политики, роковой для дела революции. При этом рабочих предостерегали против каких-либо совместных действий с представителями тех общественных классов и групп, которые вели вооруженную борьбу против советской власти, чтобы вновь надеть хомут на трудящихся.

Я пишу об этом для того, чтобы показать, что ситуация в то время была отнюдь не такая ясная и однозначная, как ее описывали некоторые публицисты и историки как правого, так и левого направления. Следует учитывать также, что меньшевики во многом были движимы инстинктом самосохранения. Они понимали, что в случае победы монархической реакции их ждет уничтожение. В то же время они продолжали критиковать советскую власть за преследования и аресты политических противников, подавление личных и социальных свобод и многое другое.

Что касается политической линии в отношении меньшевиков и эсеров, которой придерживалось правительство и большевистская партия, то эта линия постоянно видоизменялась: на некоторых этапах нажим усиливался, применялись различные меры пресечения, включая тюремное заключение. При иных обстоятельствах давление уменьшалось, и между двумя сторонами даже завязывались переговоры.

Так, 14 июня 1918 года ЦИК принимает решение исключить меньшевиков из Советов, 30 ноября отменяет это решение. 25 февраля 1919 года ЦИК восстанавливает политические права эсеров, но предупреждает, что репрессии будут вновь применены «в отношении всех группировок, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю или внутреннюю политику контрреволюции». 17 июня 1919 года Юлий Мартов вступает в контакт с Львом Каменевым относительно условий, при которых меньшевики будут готовы работать в различных советских экономических учреждениях. В декабре 1920 года меньшевики и эсеры даже участвовали в VIII съезде Советов и выступали там, а Мартов был избран членом ВЦИК и депутатом Моссовета.

Жизнь отца в этом году была крайне нестабильна. Дважды он подвергался арестам. В первый раз это произошло в июле 1918 года, когда он и несколько его коллег по партии были заключены в Бутырскую тюрьму и содержались там до октября. Ходили даже слухи, что их намерены расстрелять или уже расстреляли. На самом деле это было даже не наказание, а скорее своеобразный метод, при помощи которого те или иные личности из чужого лагеря на время выводились из политической игры. Хотя метод был отнюдь не парламентский.

Вторично Александр Трояновский был арестован в сентябре 1920 года и содержался в тюрьме в течение одного месяца. Моя мать впоследствии рассказывала мне, как она ходила со мною (в то время годовалым ребенком) на руках к воротам Бутырской тюрьмы с передачами для отца. Сам он в своих рассказах не любил распространяться об этом периоде своей жизни. Но из того, что я от него все-таки узнал, складывалось впечатление, что он воспринимал свои аресты философски, как нечто естественное для того революционного времени.

Впрочем, думаю, если бы его жизнь сложилась более трагично, он оценил бы свои взлеты и падения по-иному, более эмоционально.

Раз уж я упомянул о себе годовалом, считаю уместным сказать несколько слов о семейных обстоятельствах после развода отца с Еленой Розмирович. Спустя четыре года он женился на моей матери, Нине Николаевне Поморской. Она так же, как и он, происходила из военной семьи. Ее отец, полковник царской армии, погиб на фронте в самом начале мировой войны. Мать была полькой, и, когда в 20-х годах советская власть предоставила право репатриации лицам нерусской национальности, она с двумя сыновьями уехала в Польшу. Один из них был убит, находясь в отрядах, которые пытались сорвать переворот Юзефа Пилсудского, другой рано умер от скарлатины. Все три дочери остались в России.

Я родился в ноябре 1919 года. Это, прямо скажем, было не лучшее время производить на свет детей. В стране был голод, свирепствовали эпидемии. Тем не менее мне удалось вырасти без существенных физических изъянов.

Жизнь в те первые годы после революции была крайне запутанной. В качестве иллюстрации скажу, что мой отец не только проводил время в тюрьмах и был деятелем меньшевистской партии. Начиная с 1919 года он также служил в рядах Красной армии в качестве руководителя школы старших инструкторов запасной тяжелой артиллерийской бригады. Это была его третья война, хотя на этот раз он уже не принимал непосредственного участия в военных действиях. В свободное время, когда отец не был занят обучением молодых красноармейцев артиллерийскому делу, он работал в Главном управлении по архивным делам.

Постепенно вместе с некоторыми из коллег по партии он начал отходить от меньшевиков. Впоследствии он так объяснял этот свой отход. Основная политическая причина, подтолкнувшая его на разрыв с Лениным в 1915 году, отошла вместе с пораженческими лозунгами в прошлое. Новая власть доказала, что она способна защитить страну от любых врагов. А после того как в начале 20-х годов была разработана и введена новая экономическая политика, между отцом и большевиками не осталось практически никаких расхождений и в экономической области. Что же касается репрессий, то он всегда считал некоторые репрессивные меры необходимыми, особенно в первые годы после революции. Кроме того, отец был сыт по горло постоянными перебранками в среде меньшевиков и в конце концов пришел к выводу, что в обозримом будущем у социал-демократов нет перспектив в России. Он понял, что главным для страны стала практическая работа восстановления и развития ее хозяйства. Теперь только эта работа могла принести ему удовлетворение.

Но было еще одно обстоятельство, которое дало импульс возвращению отца к большевикам и, более того, в немалой степени определило его будущую судьбу. Как-то зимой, в начале 1921 года, он шел по Ильинке. Темнело, и бушевала метель. Вдруг кто-то обхватил его сзади со словами: «Ну что, друзья мы или враги?» Отец обернулся: перед ним стоял Сталин, который тут же предложил зайти к нему на квартиру. «Надо поговорить», – сказал он. Это было время, когда даже большие руководители – а Сталин к тому времени уже стал Генеральным секретарем партии – ходили по улицам без охраны и без сопровождения. К сожалению, отец никогда не рассказывал мне подробности той беседы, состоявшейся на квартире у Сталина. Но 1921 год был особенно тяжелый для советской власти. По-видимому, руководство в Кремле решило попробовать еще одну комбинацию с меньшевиками. Для этого вряд ли можно было найти более подходящего посредника, чем Александр Трояновский, который в то время находился где-то на перепутье между меньшевиками и большевиками.

Вот что писал об этом эпизоде издававшийся в эмиграции «Социалистический вестник» и П. Н. Милюков в своих воспоминаниях: «В частных беседах Сталин еще в 1921 году считал дело социалистического строительства в России бесповоротно проигранным. Тогда он прямо заявлял, что компартия не может взять на себя работу по восстановлению буржуазного строя

в России, и предлагал передать власть какой-нибудь другой группе. Тогда он с благословения Ленина делал даже конкретные шаги в этом направлении».

А вот из воспоминаний Павла Милюкова – одного из лидеров кадетской партии: «По нашим сведениям из вполне достоверного источника, такие переговоры с меньшевиками действительно велись незадолго до нэпа. Для переговоров с меньшевиками Сталин избрал Трояновского, своего многолетнего близкого друга и видного члена компартии, перешедшего к меньшевикам после Октябрьского переворота и бывшего членом меньшевистского ЦК. Сталин через него предложил меньшевикам войти в правительство. Получив доказательства полномочий Сталина, Трояновский заявил ему, что меньшевики не войдут в правительство, пока не будет ликвидирован «социалистический эксперимент». Сталин отвечал, что необходимость такой ликвидации не вызывает сомнений, что и сам Ленин совершенно убежден в этом и весь вопрос – в методах и темпе ликвидации, так как спуск невозможен без тормозов. Сталин спрашивал при этом Трояновского, что, по его мнению, должно было быть предпринято в первую очередь. Трояновский набросал проект декрета о продналоге (получивший впоследствии осуществление) и наметил другие меры, составившие частично содержание нэпа. Ленин горячо стоял за соглашение, но наткнулся на оппозицию, с которой не мог совладать. Со своей стороны ЦК меньшевиков, в лице сидевшего в тюрьме Дана, предъявлял политические требования («демократия»). Переговоры оборвались».

В этих цитатах, несомненно, много неясного и даже сомнительного. Можно полагать, что в данном случае под термином «социалистический эксперимент» имелась в виду политика, проводившаяся советской властью во время Гражданской войны, которая теперь обычно называется военным коммунизмом. Тогда была национализирована вся тяжелая и средняя промышленность и большинство мелких предприятий, произведена максимальная централизация промышленного производства и распределения, была запрещена частная собственность, введена всеобщая трудовая повинность, уравнительность в оплате труда.

Так или иначе, этот эпизод, насколько мне известно, никогда не был глубоко исследован нашими или иностранными историками. А между тем он интересен хотя бы тем, что дает представление о сложности тогдашней политической ситуации в России, которая оказалась на перепутье исторических дорог. Не ясно так же, почему эти встречи между отцом и Сталиным, если они действительно касались возможности вхождения меньшевиков в Советское правительство, не привели ни к каким результатам.

Для меня ясно одно: для нашей семьи они имели самые серьезные последствия. После длительного лихолетья, которое можно сравнить только с приключенческим романом (три революции, три войны, три ареста противоположными режимами, членство в двух партиях), жизнь отца, а следовательно, и всей семьи приобрела относительную стабильность.

В 1923 году отец обратился к XII съезду ВКП(б) с просьбой о приеме его в партию. Характерным для того времени было отсутствие в его заявлении каких-либо признаний в прошлых грехах, какого-либо битья себя в грудь, каких-либо заверений в верности делу коммунизма. Это было вполне деловое, я бы сказал, прозаическое заявление, по которому было принято решение принять А. А. Трояновского в партию без кандидатского стажа.

После этого отец стал довольно быстро продвигаться вверх по служебной лестнице. Это неудивительно, так как новая власть испытывала серьезную нехватку в опытных, высокообразованных людях. К тому же Сталин как бы взял его под свое покровительство, отец был назначен начальником торгово-промышленной инспекции, одного из важнейших подразделений в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции. Это была немаловажная должность, в некоторых случаях отец докладывал непосредственно Ленину. Следует добавить, что наркомат этот возглавлялся самим Сталиным.

Проработав там пару лет, отец обратился в Центральный комитет ВКП(б) с просьбой перевести его на самостоятельную работу. В мае 1924 года он был назначен председателем

правления Госторга – крупнейшей внешнеторговой организации по экспорту и импорту товаров. Одновременно он стал членом коллегии Наркомата внутренней и внешней торговли, который в то время возглавлялся А. И. Микояном.

Много лет спустя Микоян в журнале, издаваемом Институтом США и Канады, дал следующую характеристику отцу и их взаимоотношениям друг с другом: «Я был моложе его на 14 лет. Трояновский по своей хватке ничуть не уступал американским бизнесменам. Он успешно организовал дело, хорошо руководил аппаратом, совершенствовал методы его работы, научился торговать у капиталистов, так сказать, перенял дух коммерции. Поэтому все наши деловые встречи были для меня полезны, так как в то время я еще слабо разбирался в вопросах торговли. Я уважал Трояновского за его знания, за умение руководить. Он был квалифицированным, способным и знающим работником. Для нас не было секретом, что его знания превалировали над моими, хотя по служебному положению я стоял выше».

В конце 1927 года отец, опять же по инициативе Сталина, был назначен послом в Японию, или полпредом, как тогда называлась эта должность. Покрыть дистанцию от тюрьмы до посольства за семь лет – это, пожалуй, для Книги рекордов Гиннеса. Такое было возможно только в бурные, волнующие, трагичные и вместе с тем увлекательные революционные времена.

Отец – дипломат

Первые годы пребывания в Токио были относительно спокойными. Это дало возможность новому послу набраться опыта, познакомиться со страной, установить полезные связи, которые ему впоследствии оченьгодились.

На Ивана Майского, который в то время был советником токийского посольства, а впоследствии много лет возглавлял посольство в Лондоне, новый полпред произвел положительное впечатление: «Это был очень умный, смелый и живой человек, хороший марксист, чуждый всякому догматизму. Он смотрел на действительность открытыми глазами и в своих практических действиях руководствовался велениями здравого смысла. Я слегка знал его по прошлому и хорошо познакомился с ним в течение того года, который нам вместе пришлось проработать в Японии. От этого тесного сотрудничества с Александром Антоновичем на дипломатическом поприще в Токио я навсегда сохранил самые лучшие воспоминания...»

Конечно, и в этот первоначальный период возникали свои проблемы. Например, из-за нападения на посольство правых экстремистов. Было покушение на торгпреда Аникеева, в него стрелял японец при выезде из дома, где он жил. Очевидно, это покушение было связано с ведущимися в то время нелегкими переговорами по рыбной ловле. Этот вопрос всегда занимал важное место в отношениях между двумя странами, ведь продукты моря служат главной пищей японцев (видимо, поэтому Япония стоит на первом месте в мире по продолжительности жизни). В те первые годы в связи с массовыми арестами местных коммунистов было немало обвинений посольства в связях с местной компартией.

Помнится, что такие события, как нападения на посольство, производили на мою тогда еще детскую психику сильное впечатление. Я всегда боялся, как бы что-нибудь не случилось с отцом. Любопытно, что, когда спустя много лет мне довелось самому стать послом, за себя и семью я был абсолютно спокоен.

Вероятно, та детская нервозность проистекала из-за того, что в начальный период нашей жизни в Японии в газетах появились личные выпады против отца и матери. Отца обвиняли в том, что он автор книги с оскорбительными пассажами против Японии. Проверка показала, что это был какой-то другой Трояновский. И уж совсем бредовым было обвинение в адрес матери, будто она – бывший крупный чин в ЧК-ГПУ. На самом же деле Нина Николаевна была далека от политики, хотя и весьма успешно выполняла роль жены полпреда. Судя по всему, ее кто-то спутал с первой женой отца Еленой Розмирович, которая в первые годы после революции действительно возглавляла следственную комиссию Верховного трибунала при ВЦИК.

Были некоторые неприятности и другого сорта. Еще в конце 1927 года начались переговоры о гастролях в Советском Союзе театра кабуки. Переговоры зашли настолько далеко, что труппа стала готовиться к отъезду. Однако несмотря на постоянные напоминания посольства, окончательное согласие из Москвы долго не поступало. А главное, не было подтверждения о переводе значительной суммы денег для финансирования этих гастролей. Тогда отец принял решение перечислить театру кабуки 70 000 иен из средств, которые ранее были переведены посольству для строительства нового здания. Это было, безусловно, рискованным шагом и являлось нарушением финансовой дисциплины, но отец сознательно решил форсировать события и, поставив Москву перед свершившимся фактом, заставить ее выполнить взятые на себя обязательства. Впоследствии Иван Майский рассказал мне, что однажды утром отец зашел в его кабинет, весь сияющий, как будто у него гора свалилась с плеч, и заявил: «Я получил строгий выговор от политбюро, но средства, необходимые на покрытие расходов по гастролям, предоставлены». Гастроли кабуки прошли с большим успехом как в Москве, так и в Ленинграде. Это способствовало улучшению политического климата между нашими странами, да и посольству стало работать легче.

Если судить по большому счету, то нарушение, допущенное отцом, было вполне оправданным. Однако проявление инициативы в дипломатической работе нередко бывает чревато недовольством Центра. В этом смысле отца нельзя было назвать карьерным дипломатом, поскольку он привык мыслить и решать самостоятельно, что нередко приводило к неприятным казусам. Так, вскоре после начала работы в Токио он послал письмо на имя Сталина с критикой некоторых аспектов работы Народного комиссариата иностранных дел. Нужно ли говорить, что это не вызвало восторга у наркома Георгия Чичерина. Я знаком с замечаниями, высказанными в этом письме, и думаю, что Чичерин имел основания быть недовольным. Эти замечания отец должен был послать не Сталину, а ему, они не были уж очень принципиальными.

Между тем после первых двух лет относительно спокойной работы положение дел резко усложнилось. В конце 1929 года сначала в США, а затем и в других странах с рыночной экономикой началась Великая депрессия. Она потрясла Японию не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем другие страны. Здесь образовалась взрывчатая смесь из милитаризма, поднимающего голову фашизма, различных мелкобуржуазных групп, кидавшихся то вправо, то влево, обнищавшего крестьянства, готового примкнуть к любому движению, указывающему выход из отчаянной ситуации в деревне. Все это создавало обстановку крайней нестабильности внутри страны. Началась серия покушений на политических деятелей и руководителей «дайбацу», как в Японии называют крупные монополии. Были убиты премьер-министр Инукаи и руководитель корпорации «Мицуи» барон Дан, бросили гранату в помещение партии Сеюкай. Была попытка убить старейшего японского государственного деятеля Киммоти Сайондзи. Лишь случайность спасла лорда-хранителя печати графа Макино. Много лет спустя, когда уже я был послом в Японии, его внука Катцуко Асо, с которой у меня и у моей жены установились дружеские отношения, весьма красочно описывала, как она вывела своего деда из дома через задний ход и как они прятались потом, спасаясь от убийц.

Наше знакомство с Катцуко Асо и ее мужем имело одно любопытное последствие. Значительно позже, когда я уже работал представителем при ООН в Нью-Йорке, мы с женой однажды получили приглашение на обед к Джону Рокфеллеру, старшему из пяти братьев, с которым до этого не были знакомы. Мы, разумеется, удивились этому. Но, приняв приглашение, были еще более удивлены, обнаружив, что из гостей там оказались только мы и супруги Асо. Как выяснилось, наши японские знакомые, получив от Рокфеллеров приглашение, попросили их обязательно пригласить и русского посла с супругой. Так случилось, что это была наша первая и последняя встреча с Джоном Рокфеллером, так как он вскоре погиб в автомобильной катастрофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.